

ОГОНЕК

ХИМИЧЕСКАЯ ОБОРОНА СССР.

Красноармеец-курсант высших военно-химических курсов в полном противогазовом снаряжении.

Фот. А. Тулеса.

22 июня 1924 г.

№ 26 (65)

ОГОНЕК

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверская, Благовещ. пер., 3. Тел. 86-37. ГЛАВНАЯ КОНТОРА И ЭКСПЕДИЦИЯ: Тверская, 48. Тел. 4-80-08 и 41-3. Телеграф. адрес: Москва, ОГОНЕК. Тариф объявл.: 1 стр.—40 чер., 1/2 стр.—20 чер., 1/4 стр.—10 чер. 1 строка неп. в 1 кол.—60 чер. коп. На обложке—на 50% дороже. Экста—в 2 раза дороже. Сверх тарифа—15% налога. ГЛАВНАЯ КОНТОРА открыта с 9—3 ч. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на один месяц—50 коп. На год—5 руб. с 1 апреля—7 руб. За прежние месяцы—по 70 коп. Допускается рассрочка в 3 срока: при подписке 2 р., через два месяца 2 р. и через 4 месяца 1 р. За границу: на мес.—35 сент. 1 экз.—10 сент. или в переводе на соотв. местн. валюту. Подписка на «Огонек» принимается во всех почт.-телегр. устан. и во всех отделениях и агентствах Госбанка.

Совет Труда и Обораны СССР

Фот. А. Тулеа.

Первый снимок Совета Труда и Обораны, сделанный специально для «Огонька».

Совет Труда и Обораны занимается все финансово-экономические вопросы, предварительно административно-финансовый комитет при СНК СССР. На первом снимке — в центре председатель СТО Л. Б. Каменев. Вправо от него, по порядку — члены СТО: заместитель СТО Н. П. Брандман, Нарком

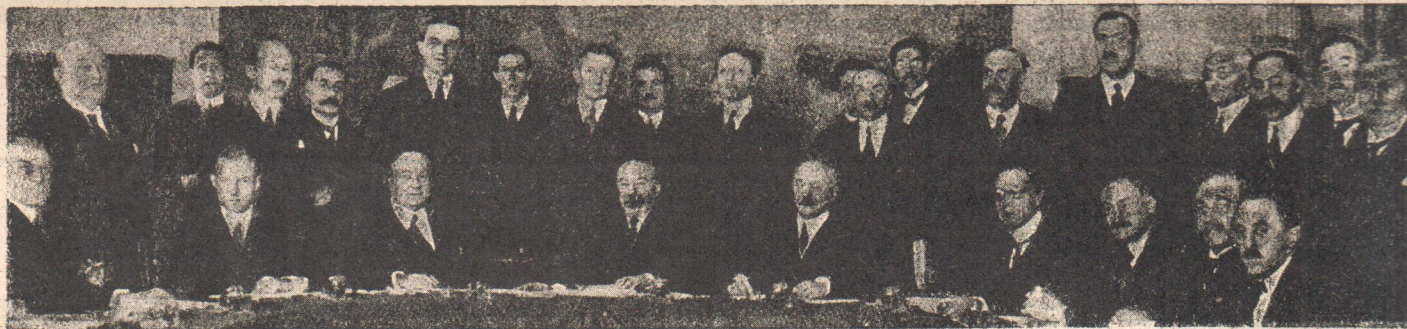

Председатель Совета Труда и Обораны Л. Б. Каменев, после заседания СТО, беседует с управляющим делами СТО Н. П. Хлюпильниковым (справа) и своим секретарем Г. Музыканом (слева).

комвнешторг Л. Б. Кра-син, представитель правительства РСФСР при СТО А. И. Свицерский и докладчик член коллегии НКФ Фрумкин.

Влево от Л. Б. Каменева — члены СТО: зампред ВСНХ СССР Г. Л. Пятаков, Пред-реввоенсовета Л. Д. Троцкий, представитель НКР-НИ т. Чуцкаев и представитель УССР т. Петровский.

СО ВСЕГО СВЕТА. ФОТО- Комиссия экспертов

Комиссия «Лиги наций», выработавшая знаменитый теперь меморандум об экономическом и финансовом восстановлении Германии. Проведение заключенных в меморандуме мероприятий переложит послевоенные тяготы всецело на плечи германского пролетариата. В центре—сидит бывший французский министр финансов и председатель репарационной комиссии «Лиги наций» Барту; за ним—стоит председатель комиссии по составлению меморандума, американец Дэвис, прибывший в Париж для доклада Барту и «Лиге наций».

Защитники германских рабочих

Фот. для «Огонька»

Защитники германских рабочих. Коммунистическая фракция германского рейхстага, с первого заседания последовательно и рьяно выступающая против всех буржуазных и соглашательских партий. Из 62 депутатов восемь содержатся под арестом. Полиция всячески старается мешать агитационной деятельности коммунистических депутатов. Слева на нашем снимке—депутат Шолем, справа от него Геккерт. В центре другой вождь германской компартии—Геллейн.

Председатель французского парламента

Press-Photo-News-Service

Председатель французского парламента, знаменитый математик Поль Пенлеве, являющийся одним из вождей партии радикалов-социалистов. Избрание Пенлеве знаменует начало новой, либеральной эпохи французского парламентаризма.

Премьер-министр на два дня

Press-Photo-News-Service.

Временный приказчик Мильерана—Франсуа Марсаль, министр финансов в правительстве Пуанкаре, премьер провалившегося французского кабинета. Назначение Марсаля надо было рассматривать, как попытку Мильерана еще хоть на несколько дней удержать власть, чтобы не сдаваться без «парламентского» боя.

Новые хозяева Франции

Фот. Дн., Граудент

Новые хозяева Франции—комитет французской партии радикалов-социалистов, располагающий большинством в новой палате депутатов и готовящийся играть решающую роль в новом правительстве. Крестом отмечен председатель партии и вероятный будущий премьер-министр Франции Эдуард Эррио.

ХРОНИКА „ОГОНЬКА“

Отправка знамени Московскому Совету

Фот. для «Огонька»

НЕДОСТОЙНЫЙ ВНУК

Фот. для «Огонька»

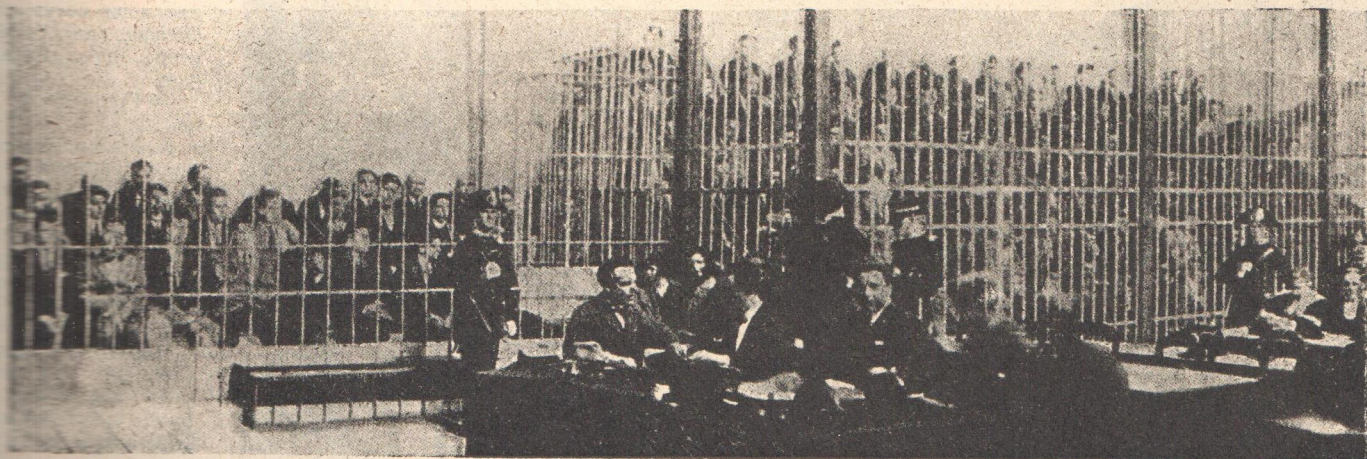
Жан Лонге, лидер французских социал-соглашателей. От него зависла судьба останков его великого деда. Как известно, советская делегация в Лондоне возбудила вопрос о перенесении в Москву праха Маркса, покоящегося на лондонском кладбище Хайгет.

Английское правительство ответило, что без согласия наследников Маркса, оно не может удовлетворить желания советского правительства. Жан Лонге ответил отказом.

Изнаночный район Парижа, в котором сохраняется знамя коммунаров 1871 года. Теперь, через 53 года знамя это передается Московскому Совету.

Пленники фашистов

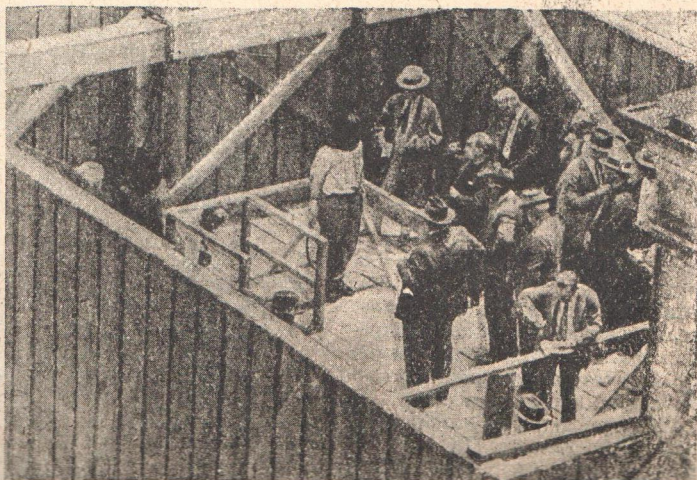
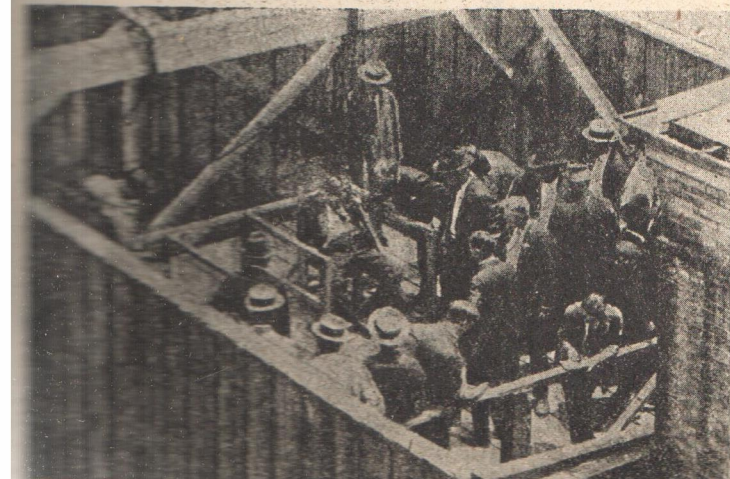
Фот. Дж. Грауденц

Итальянских коммунистов, обвиняемые правительством Муссолини в «подрывании основ» престола, «государственной измене» и прочих, страшных с фашистской точки зрения грехах. Страх Муссолини перед итальянским рабочим классом так безгранично велик, что в зале суда воздвигнуты высокие решетки... клетки для обвиняемых. Обстановка процесса, количество и вздорность улик сильно напоминают средневековые судилища в Венеции и такие осмеянные историей, как будет высмеяна и эта ненужная судебная комедия.

Культурная Америка—ее способы смертной казни

Фот. Дж. Грауденц

Снимки в тюрьме. Редчайшие снимки, тайно сделанные во время исполнения смертных приговоров в Америке. Справа — осужденного одевают черную маску. Слева — подсудимого осматривают перед казнью. Врач констатирует, что подсудимый здоров и потому... может быть повешен.

ИЗ ЦИКЛА „О СЕБЕ“

Стихотворение В. Александровского

Нет, не то. Если солнце плетью
Жиганет, невзначай, по глазам,
Так зачем-же мне десятилетия,
Так зачем мне смотреть назад?

Чудак! Этой горькой болью,
Которой пропитан мой мозг
Если только не в сто раз, то более
Обнадежить я ближнего мог.

Что-ж такого, что сердце — впрепрыжку?
Что-ж такого, что руки дрожат?
Я-же знаю, — поганой отрыжкой
Никого я не заражал.

Жизнь невестой была и паскудой,
Были радость в глазах и тоска,
Но я знаю, что крепкую удаль
Не в трактирах с вином расплескал.

Со слепой, безалаберной силой
В жизнь вошел, как в дремучий лес;
На большую меня не хватало,
Но и малое я перелез,

И за все-то, за все, — только шкурой,
Каждый шаг мой считался грехом,
Ведь где рос я, — не город Огуров,
Там медведи, да ведьмы кругом...

Да кладбище, да лес, да обвраги,
Да тропинка змеей без конца...
Горе, горе!.. Ты крепче браги,
Тяжелее и злее свинца.

Над избой, над сараем, над клетью
Только воронов злые глаза...
Ну зачем-же мне десятилетия,
Ну зачем мне смотреть назад?

В. Александровский.

СИЛА ВЕЩЕЙ

Рассказ А. Яковлева

Гринька Минеев пришел в Павлиново вечером, когда по улице гнали стадо, и бабы на разные голоса выкликали буренок и пестраков. Гринька всю Россию прошел — почти от самого Китая — не стыдился ни своих посконных лохмотьев, ни безкозырной мятой-перемятой фуражки с красным кантом, ни босых, покрытых цинками ног. Весь путь про это недумалось. А как в Павлиново — тут Гринька и

А Гринька только буркнул:
— Домой.
И рукой махнул. И приятно ему было, что не узнают.

Церковь прошел, взлобок прошел — все прежнее — как было, только в школе все двери и окна высажены, — вот над прудом и дом родной — зеленая железная крыша завиднулась — тут сердце и заколотилось в роде овечьего хвоста. «Эх,

вязь-то разрослись».

Голоногая баба у калиток ждет, когда коровы во двор пройдут, а взглядом сам прицепилась в Гриньку. Гринька не утер пел — улыбнулся щекой одной, криво так — Здравствуй, Паранюшка.

Баба у калитки — Паранюшка, братни на жена. И рот у ней в испуге воротам растворился, глянула она этак дико и с всех ног шархнула в двор, а со двора в дом. И только Гринька на двор, навстречу ей с крыльца старушенка со всех ног бежит, руками в роде крыльями а сама всхлипывает. З старухой старик бежит — еле ноги несут, спешит спешит, аж борода о ветра через плечо хлещет.

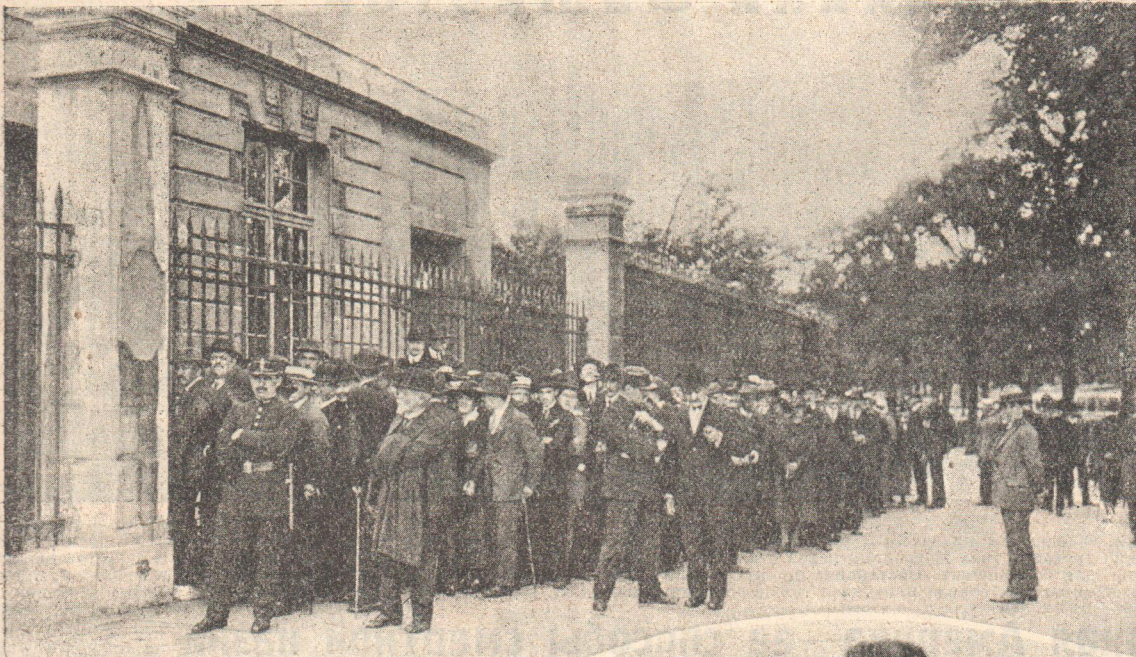
— Гринюшка, сыночек.

А мать холодными липкими губами и в подбородок-то, и в щеки, и губы — еле минуточку наше отец, чтоб расцеловаться с сыном. И все тут в голос — и мать, и отец, сам Гринька, и братья оба, и невестки-то.

Часа не прошло Гринька в переднем углу, под богами, в горнице, выбритый и вымытый, в братниных праздничных брюках, в братниных сапогах, рубаха на выпуск — шелковы поясом подпоясана, мать вытщила этот посок с самого дна своего сундука.

Перелом французской политики

Фот. для «Огонька».

Интерес к событиям. «Очередь» перед палатой депутатов в день открытия.

вастыдился. Из первой, можно сказать, семьи, и в таком распрямленном виде. Бабы смотрели на него испуганно, пристально и брезгливо, переглядывались, и по их переглядкам Гринька понял: его не узнают. Да где же узнать! Пошел четыре года назад чистяк чистяком, — а идет теперь «как бы в клеть не забрался, — поглядывай». В одном месте даже спросили подозрительно:
— Эй, миляк, куда идешь-то?

Вонди французских радикалов и социалистов: слева — Пенлеве, в центре — Эррио, справа — лидер социалистов, старый член французского парламента Леон Блюм.

Моряки Черноморского флота

От севастопольского корреспондента «Огонька».

В девятьсот
двенадцатом, но
тогда спихнули
Восточная и
Крым.
из Черномор-
ского флота
остались лишь
два воспомин-
ания.

— Был да
был флот.
Это не зна-
ет никто!..

Сказано ме-
шало известно
и всем воз-
растает и но м
Крымском Чер-
номорском
флоте, а еще
много о но-
вом матросе —
флотском

граждан-
ской войне не
на последнем
этапе был ма-
трос. Но эта
война разра-
зилась его. Пре-
жний матрос был

дезорганизован, раззнакомился с дисциплиной и на-
много труднее было целиком строить новый флот.

Но вот из необъятных концов республики потянулось во флот мо-
лодые пополнение. Все больше — деревня темная, неграмотная.

Там было вначале.
Вышла-же идейную опору над флотом принял РКСМ, как то на гла-
за у всех стал он быстрыми шагами «окомсомольваться»...

Вопрос ли, что во второе пополнение влились в большинстве
случаев, оттого, может статься, что вся культурно-просветная работа прово-
дилась под лозунгами комсомола, но только теперь, как то крещо сроч-
но — спалились слова:

— Комсомол и флот.

Для удобства так прямо и называют:

— Комсофлот.

И каждый год прибавляет в Черноморском флоте боевые единицы.
И каждый месяц все крепче становится его личный состав. Из школ вы-
ходят матросы радисты, минеры, артиллеристы, кочегары, а нынешней
весной был выпуск старшин и артиллеристов. Знают, что побеждают в
бою не корабли, а люди, которые ими правят.

А как славно умеют править красным кораблем!
А еще недавно — кургузые, косолапые, притоптавшие во флот из
деревенских угол — нашего Союза, не видевшие, быть может, до того моря.

Теперь, как победили учебу, победит стихию, а за одно и тех, кто
не умеет сунуться к морским рубежам Союза.

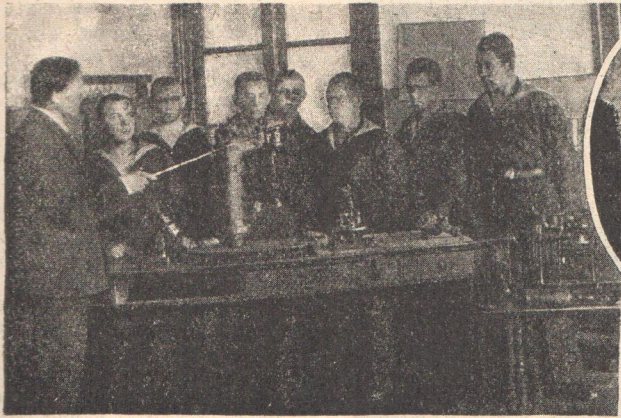
Побеждает потому, что — комсомольцы...
Путь молодого моряка.

Вначале всего — знания. Здесь самая обстоятельная учеба, ничуть не
отступающая от армейской. Во время пребывания в экипаже не отличить
моряков от красноармейцев.

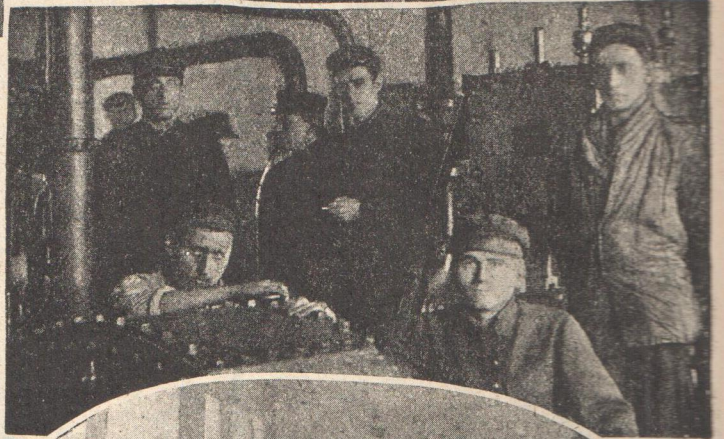
После пройдена военная премудрость, идет раз-
работка по школам. Но и в экипаже, и в учебном отряде,
и в училище, а затем и на судах неизменным спутником
молодого матроса является культурно-просветительная
работа.

Как все же направляется он, рядовой матрос — голова.

М. Поляновский.

В физическом кабинете флотской школы.

Наверху — на выпускном экзамене.
Ниже — первое знакомство с машиной.
Внизу — молодые минеры за работой.

В экипаже. После работы. На отдыхе.

Только что прибывший в эки-
паж молодняк за чтением в крас-
ном (ленинском) уголке.

Гринька засмеялся:

— Э, что там два века,
нам бы один век по-людски
прожить.

В избе боем набилось на-
роду. Все сродственники пришли и сосе-
ди, которые, на чудо посмотреть: вот схо-
ронили человека, были такие достоверные
свидетели, видели собственноручно, как
вот этого самого Гриньку красные рас-
стреляли, а он — вот он, берите его с но-
гами-руками.

— ... Значит, сперва под Сызраном сра-

жались, и-и, сколько ихнего брата поло-
жили... ну, только здесь неуправка взяла,
отступит пришлось.

Слушают, — муха пролетит, слышать будет.

— Как пришли в Самару, тут они на
нас и давоули. В роде как в аду все сде-
лалось. Пароходы свищут, заводы свищут,
в улицах везде стрельба, мать пресытая, —
страшнее такого дня никогда не было.
Главное, не разберешь: то ли он наш,
то ли не наш.

— Помытарствовал, значит, за мир-то
христианский?

— Да, было. Хотели мы в Уфу попасть,
а попали в Оренбург, к генералу Дутову.

— Ишь, коммуна, сильна.

— ...И там вышла неуправка. Мы пеш-
ком сперва на Урал-реку. Здесь в одном
сражении их тыщи четыре поваляли...

— Лебедик ты мой, мученик ты мой.

— Подожди, баба.

— Знамо, мученик. Это, что говорить.
Лица у всех засветились — в роде начи-
щенные сапоги. Старик Минева словно
в отчаянии тряхнул волосами.

— Воды сердце чуяло: дождусь сы-
неньку, отдам ему.

— Старик насмешливо посмотрел на нее.
— Туча и в поминанье за упокой за-
была.

— Что ж, и запишешь, — священник
нахмурился. И записки служили. Значит,
ты знала, сыночек, будет жить.

Советско-китайский договор

От пекинского корреспондента «Огонька»

Наша чрезвычайная миссия в Пекине, достигшая после долгих, осложнявшихся вмешательством держав Антанты, переговоров соглашения с китайским правительством о признании СССР и об управлении Китайско-восточной жел. дорогой. В центре — глава чрезвычайной миссии СССР Л. М. Карахан, работу которого китайская печать и общественные организации теперь восторженно приветствуют.

— Куманек, сбегай-ка, принеси еще сапогов полведерка.

— Первачу?

— Знаю, первачу, чтоб покрепче. Гуляй.

И гул нестройного говора и выкрики: — Что там ни бай, а наша возьмет. Вот он, сынок-то, ерой.

— А ну, трянем, что ли. Кума, выходи.

— Убирай, ребя, лавки, плясать будем...

Захотели, задвигались, заулюлюкали.

Плясали. Сперва кум Егор с женой Якова — Паранькой — эта в развалку, с выкриками, потом тетка Авдотья, а потом уже все, у кого ноги — так ровно толкуну над болотом — толкались с выкриками и посвистом среди избы. А под окнами стоял народ, с ртами раскрытыми, смотрели на пляшущих, ахали. Когда пустился в пляс старик Минеев, под окнами вздохнули, захотели и кто то, невидимый в темноте, крикнул во все горло:

— Сам снохач пошел.

На момент в избе все лица дернулись. Кум Егор метнулся к окну, погрозил молча кулаком. Все в избе запели, заорали еще громче.

— Сыпь, Минеч, в рот те дышло.

— Жарь!

Только сзади, на лавке, говорили шопотом и с улыбкой:

— Уж и народ охальник стал.

От усталости ли, от долгих ли голодовок, — Гринька первый спьянился, положил голову на стол и захрапел... А над ним до света орали, пели и прямо под голову ему тек по столу пролитый самогон.

* * *

С большим туманом в голове, но весь праздничный ходил на другой день Гринька по гостям. Хоть будни были, — родные встречали его по родному, «надо: не нами положено». Самогон, ветчина, каравай хлеба, соленые огурцы и чай с лампасеями. И опять, как вчера, расспросы про войну, про наших.

И, вслушиваясь, на момент мужики становились серьезными и говорили:

— Окончательно существовать нет силы.

А Гриньку подмывало беспокойство: ни вчера, ни сегодня не видел он Настасью — уж не вышла ли она замуж? Спросить — девку осрамить, — вдруг замуж вышла? Тут такое пойдет, выноси, мати пречистая. Ну и не выдержал, от тетки-то, от Талиши, и грянул Гринька бегом — в хоровод, к девкам. Аж сердце захолонуло. Где? Где?.. А девки на обрыве, у реки — этакими пестрыми павами, парни — тут же — на бревнах сидят, издали на них глаза пиялят...

Само собой, прямо бы к павам побежал Гринька, ну нельзя: осрамишься, и девку осрамишь. Гринька парням этак брав по-военному:

— Здорово, братцы!

— О-го-го. Здорово, здорово, брат. Вчеря прибыл, а к нам не удосуужился?

— Вот это товарищ верный.

— Ну, сами чать понимать: сперва роство надо, закон...

— Что там закон. Ты вот гляди, гзакон-то.

И со смехом пальцем, к обрыву, к девкам.

А Гринька этак лихо:

— Нам это без внимания!

— О? Аль другую нашел там, в Ку-таях-то?

— Другую не другую, а всяко видал!

— Практикованный, значит?

Видит Гринька: повернули девки морды глядят на него... Само собой этак выпри-мился: тоже, мол, не лаптем щи хлебаем. самого так и подмывает: «Где Настасья-то!»

Бывало, девки к парням, когда темь па-дет, — уж такой обичай с дедовых време-может, чтоб не видать улыбок застенчивы-да неловких, а ныне, по случаю вновь при-бывшего героя — гляди, какой интере-ный, — подошли засветло. Тут Гринькин-сердце екнуло: «Здесь». Чортом мелки-рассыпался.

— Настасья Васильевна, мое вам семьсо с хвостиком...

И другим девкам — даром что четы-р года в безвестной отлучке был, ни одног-имени-отчества не забыл. Одно слово-тютельку в тютельку попал по хорошем-тону. Девки аж зарделись от удовольствия.

— Ну, и прокурат!

И как затесался Гринька в хоровод-прощай, братины сапоги! Такую дроб-стал пускать, ноги в роде барабанных палок-Чудно только ему показалось: будто па-датливей девки стали, липнут в роде мухи-будто не было в них стыдливости прежней-Глянул он — парней-то немного, а девок-т-прямо монастырь целый и смекнул тут-«Лафа!» Этак часа не прошло, Настасья-т-сама (ну вот, ей же богу сама) схватила-Гриньку за руку — и в сторону, под обры-тащит.

— Пойдем-ка, пойдем, мне спросить теб-надо.

Гринька, ровно девка красная, стыдлив-пошел за ней, ноги от смущения еле идут-А сзади, в хороводе — и зачихали, и за-кашляли, и засвистали. По прежним вре-менам тут со стыдобушки сдохнешь, а На-стасья хоть бы дьявол какой. Тащит и-шабаш...

Ну что же, тут и полились меды съечены-Понял Гринька: соблюла себя Настя, ни-с кем не снюхалась... Стал руками дей-ствовать... ах и девка, прямо не укулю-нешь! И ничего, будто на все согласна-однако, когда Гринька начал приступать-решительней, она его и отшила:

— Не зоруй, — говорит, — вот переве-чаемса, тогда, а теперь, знай край да не-падай.

Ух прямо съесть бы такую кралю — вс-у Гриньки стало ровно струна звенящая.

Опять на свету домой Гринька явился-и когда прицел, да укладывался, слыхати-было, Паранька этаким громким шопотом-шипела:

— Он всее ночь валандаться будет, а ты-ему сапоги давай... Дурак ты, Яшка.

И этак холодком на Гриньку повеяло.

— Ишь, гадюка, сапогов ей мужниных-жалко.

* * *

К обеду только и разбудила мать Гринь-ку — мужики с поля приехали, — стал он-собираться, глядь — сапогов-то нет. Стоят-опорочки старенькие.

— А где сапоги-то?

Мать этак отвернулась и глухо буркнула:

— Яшка взял. Ты вот калишки покеда-надень, справим скоро.

И вдруг, низко нагнувшись к самому-гринькиному лицу, зашептала сердито:

— Гадюка-то Яшке житья не давала, прямо голову проклевала ему за эти два-дня — возьми, да возьми сапоги.

Как Карл Маркс учился русскому языку

Сообщение Института Карла Маркса и Фридриха Энгельса

Подлинник хранится в Ин. К. Маркса и Ф. Энгельса.

I) Алфавит		II) Выходящие		III) Местные	
а	б	в	г	д	е
ж	з	и	к	л	м
н	о	п	р	с	т
у	ф	х	ц	ч	ш
щ	ъ	ы	ь	э	ю
я					

Карл Маркс и Фридрих Энгельс были оба большими языковедами. Энгельс в качестве секретаря I Интернационала вел переписку со всеми секциями Интернационала на всех европейских языках. Маркс тоже знал все европейские языки. Немногим известен тот факт, что Маркс очень хорошо читал русскими из русских авторов. Особенно интересовался Маркс русским языком, когда в России получил большое распространение его «Капитал». Известно, что во втором издании первого тома «Капитала» Маркс ссылается на отзыв о «Капитале» известного русского экономиста Зиберы. Упоминаемая в Институте Карла Маркса и Фридриха Энгельса рукопись Маркса с его упражнениями в русской грамматике представляет собой вполне сохранившийся двойной лист писчей бумаги, мелко исписанный с обеих сторон. Интересно, что свои выписки из русских книг Маркс делал всегда не прописью, а печатными буквами. Поэтому его русские записи легче разбирать, чем написанные на его родном языке — немецком, — на котором он, как известно, писал чрезвычайно черзвоборчиво. На снимке грамматическая таблица русского языка, составленная им.

Прасковья?

Ну да. Кто же? Знамо, Паранька, проклятухая. И рубаху-то стинетову

А, батюшки! Глядь, в сам деле, рубашки-то нет вчерашней, вместо нее заплатанная гимнастерка лежит. Оделся, обулся Гринька, глянул на

себя, — ну фронт, пузо наружи, — и не по себе ему стало. Мать прослезилась:

— Вот мало-мало справимся, сыночек, все тебе купим, все.

Уголок Ленина в кабинете А. И. Рыкова

На нашей фотографии дана одна из деталей уголка В. И. Ленина в кабинете Предсовнаркома СССР — А. И. Рыкова. На столе лежат маски головы и рук работы скульптора С. Меркурова, снятые им 22 января 1924 г. в 4 ч. утра в Горках.

А Гринька про себя:
— Как же вечером к Насте-то? Разве в таком виде пойдешь?..

Видал он вчера — все парни одеты, как люди, есть которые при часах, а ему только опорки худые да заплатанную гимнастерку. А еще говорят: «ерой». Черти. Ну, да ладно.

Этот день был Гринька с отцом в поле — надел хомут мужичий, — почувал, что отстал немного, да что же, надо привыкать. В роде лошади возил. И сгладилась малость обида. А вот вечером, как к дому, тут разом вспомнил все — и яшкины сапоги, и Настины бока, и нахмурился. Хотел поговорить, ан в доме опять праздник: пришел

Внучка А. С. Пушкина

От полтавского корреспондента «Огонька».

Л. М. Быкова (внучка А. С. Пушкина), проживающая в Полтаве. Наркомобезом Украины, по ходатайству полтавского губсобеза, назначена Л. М. Быковой усиленная пенсия, как внучке А. С. Пушкина.

Василь Никитич (богатый почтеннейший человек во всей округе). Мать встретила Гриньку у ворот:

Общий вид построек первого элеватора после пожара от бомбардировки с английского драгующими к ним амбарами. Снято 5-го июня 1920 г.

— Иди в хлев, там оденься. Гость у нас. Пошел Гринька, глядит, а там и сапоги яшкины и рубаха стинетовая. Оделся, — опять стал молодцом. Василь Никитич весь заулыбался ему навстречу:

— Ну, герой наш, здравствуй. Как жил-воевал? Рассказывай.

И опять вечер целый Гринька говорил про бои, про то, как он колошматил коммунию эту, а Василь Никитич кричал, ахал, довольно гладил бороду, и мужики крикали и бороды гладили. Пошел Гринька

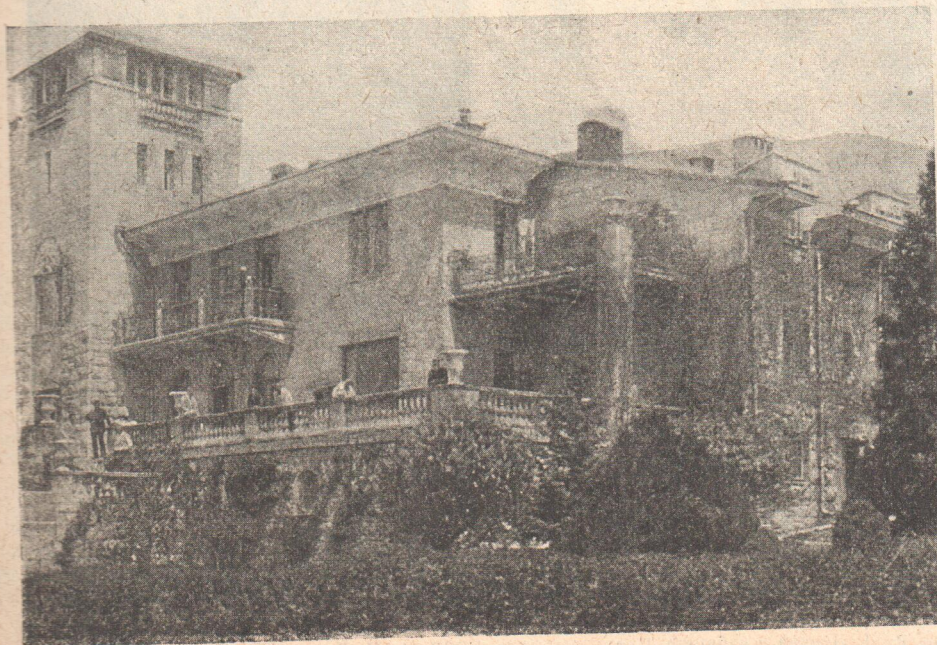
Василь Никитича провожать и с дороги прямым сообщением в хоровод, Настю за руку и... ну и девка! — прямо не уку-лупнешь...

Утром же опять ни сапог, ни рубахи — опорки с гимнастеркой и больше ни гвоздя.

— У, черти.

И вот так и повелось: ежели гости, тебе сапоги и рубаха (не срами нашего рода), а нет никого, щеголяй в опорках. Что ж, прошла этак неделя, полторы, воскресенье на нос накатило, Гринька к брату:

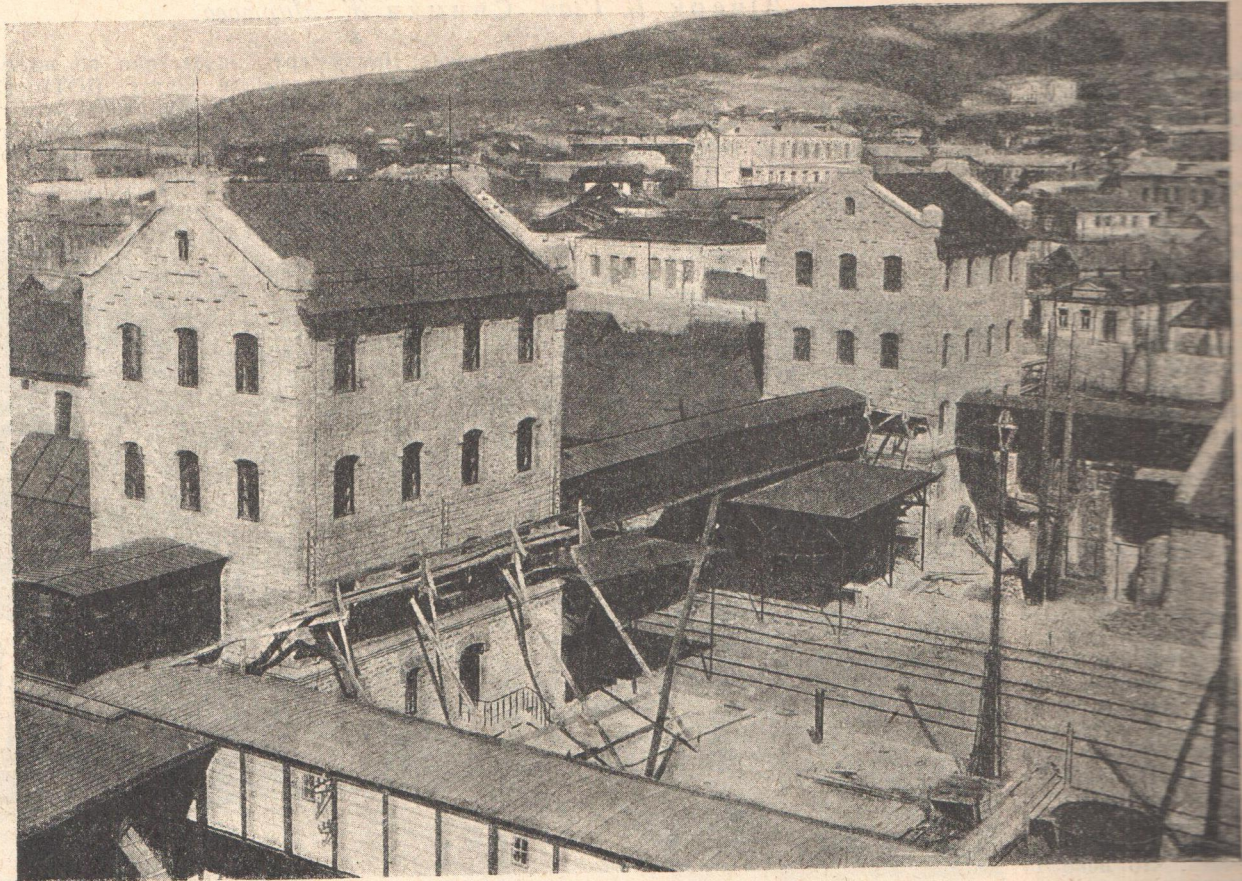
Живописные уголки СССР

Налево — дом отдыха рабочих Акционерного Общества «Хлебопродукт» — С. дача Гана. Направо — парк дома отдыха рабочих Акционерного О-ва «Хлебопродукт» — один из лучших местечек южного берега Крыма — между Алушкой и Новым Симеизом.

ДА НАЗАД И ТЕПЕРЬ

из нижегородского корреспондента «Огонька».

Общий вид построек элеватора по восстановлении их заводом «Красный Судосталь». Старые башни были разобраны до основания и выстроены заново. Снято 5-го июня 1924 г.

Города СССР. Нижний-Новгород

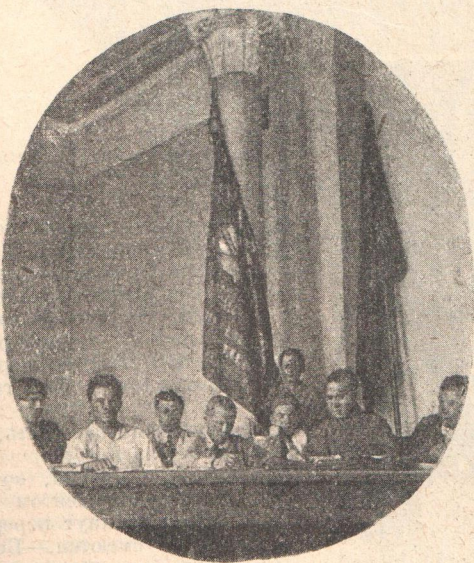
От нижегородского корреспондента «Огонька».

я хочу [твой са-
рот открыл,
сказать, а тут
из пушки:
будя, пощеголял
на всякого босяка у
не припасено.
заработай, а потом и

Воскресенье. На берегу гремит оркестр. Веселые, загорелые дети катаются по Волге.

Шаг за шагом, стройными рядами проходят юные ленинцы на общегородскую конференцию.

С открытием навигации Нижний-Новгород—центр Поволжья, ожил. Из завод-

Юные пионеры.

ских зданий выходят толпы рабочих. По вечерам они веселой, энергичной толпой наполняют свои клубы. Оживление наблюдается также в торговой части города. Чем ближе к открытию Нижегородской ярмарки—тем больше движения и суеты на «верхних» улицах.

Нижний готовится к своей ярмарке.

Дом губ. фин. дела на главной улице Нижнего.

в одном

Комсомольцы обучаются „НОТ’у“

Центральный клуб молодых ленинцев Красной Пресни

[Очерк Б. Глан. Снимки Ж. Мартова.

Коммунистический союз молодежи почти без денег, с ничтожным количеством инструментов приводит в порядок свои школы, клубы, площадки и т. д. Воскресник, другой... и разрушенное восстановлено.

Но в той же, если не в большей мере характерна для нас наряду с нашей предприимчивостью полная бессистемность в работе, отсутствие организации и часто, как следствие, непроизводительная трата сил и времени. Не умеем мы еще организовать и умело направить нашу энергию.

Был у нас пустырь перед Центральным клубом. Весной задумали спортивную площадку на нем построить. Закупили досок, столбов на забор. Начали строить. Деревьев достали. Посадили. Вялись споро. Работали иногда до отказа. Стали замечать, что некоторые комсомольцы начинают отваливать. Замучивали мы их по 8—10

часов в воскресенье, да по 3 часа в будни—это то лето после 8 часов работы на производстве! Да и другие неурядки. Ребята есть, инструмента не хватает, толкаются без дела, мешают другим, а иногда и инструмент есть, да не знают, что делать надо.

Почувствовали—чего то нехватает.

— А почему бы нам в институт труда не обратиться? Пусть нам порасскажут, как целесообразнее устроить воскресник.

— Сегодня придем товарища, который с вами разметит работу и укажет нужный инструмент, материал и нужное количество рабочих,—заявили нам в Институте Труда.

Два дня кипит подготовка. Пыхтит грузовик, нагруженный до отказа лесными материалами, в такт грузовику пыхтят усталые комсомольцы—измазанные, испаранные досками, но довольные, что все

идет, как по нотам (так называют они в шутку НОТ). С озабоченным видом бегают ребята, кто за гвоздями, кто за инструментом. Большой плакат возвещает: — Воскресник по НОТ’у. Инструмент

Отдых после труда.

и материал готов. Работы такие то. Через каждые полчаса отдых 5 минут. В час дня — обед. Еду захватить надо из дому. Начал ровно в 10 часов.

Накануне проверка инструмента—все в порядке... Воскресенье. 10 часов. Ребята вначале мало. Понемногу собираются все. В 10 час. 30 мин. начинается переключка. Указывают ребятам, что не дело, мол, опаздывать. Те даже удивляются.

Опыты Института Труда—уятие вание площадки.

Что значит полчаса по сравнению с установленным комсомольской практикой законным опозданием в полтора—два часа? Ишь, чего захотели! Так вам тютелька в тютельку в 10 час. и приходи. Чудак—унтовцы.

— На первый, второй рассчитайсь...

— Первый, второй, первый...

— Лопаты, молотки, гвозди под расписку получай.

Строить забор, очистить, вскопать и уровнять площадку вдоль него...

Стройно, десятками, во главе со старшим, каждый с инструментом расходятся ребята...

Свисток... 5 минут перерыв. Поглядели друг на друга и смеются.—Большо уж здорово,—хмыляется краснощекий пионер.

Свисток... Кончай перерыв!

Сначала будто бы нетрудная и в стройной организации неумительная работа часам к 3 дает себя знать. Даже дивчата, которые нос наставили ребятам по быстроте, ловкости и интенсивности, и те взвыли.

В 4 часа об’является конец. Сдача инструмента. Переключка.

— Гип! Гип! Ура НОТ’у! — и с песнями по домам.

Б. Глан.

Опыты Института Труда—столярная бригада за стройкой забора.

АНАТОЛЬ ФРАНС

К восьмидесятилетнему юбилею

Статья Леонида Гроссмана.

Этот писатель, сумевший в своей деятельности пройти ряд этапов, все более приближавших его к вопросам общечеловеческим, современным, значительным в общественном и политическом смысле.

Он начинал, как скептик, книжный критик, снисходительный юморист. Любитель старины. Исследователь научной культуры, содержащий и пассивный ум, он любил обращаться в своих ранних книгах к картинам замкнутых спокойных существ, выводя в них образы мудрости или искусства, проповедующих столь дорогие сердцу Анатоля Франса догмы иррелигиозности и милосердия.

В 90-х годах эта деятельность натура переживает кризис. Поэт и ученый становится активным борцом. Автор выходящих и ласкающих страниц превращается в резкого конфликтиста и заостренного протестанта. «Смирный библиотекарь», как назвал он себя в одной из своих ранних книг, выходит на сцену с целым обаянием. Он бросает вызов «всему миру» — священнику, адвокату и финансисту, чтобы решительно противопоставить этому «интернационалу рабства и насилия» — «интернационал прогресса, свободы, гармонического труда и мира». Он прерывает, наконец, свою решительную кампанию против церкви, которую называет теперь «самой ужасной из всех частей, когда-либо существовавших на поверхности мысли, древнейшей гавальницей мысли, науки и радости». В его книгу «Крестный путь».

Эта эволюция была вызвана социальным состоянием Франции в конце прошлого столетия. «Современная история» Анатоля Франса, написанная в середине 80-х годов, представляет собой серию романов, в которых автор подвергает резкой и разнообразнейшей критике представителей французского общества. Знать и буржуазия, чиновники и коммерсанты, военные священники — одинаково подвергаются в этом обзоре ядовитой и острой критике. Это анархический памфлет, лишенный того милосердия, которым были проникнуты ранние книги Анатоля Франса.

Таким было его отношение к современному обществу в момент, когда возникло знаменитое дело Дрейфуса. Этот беспримерный взрыв национальной ненависти, беспощадно предавшей позору и осуждению одного невинного. Анатолий Франс

решился даже провозгласить что «истинная свобода — лишь та, которая не признает никакой свободы, направленной против нее».

После 1897 г., когда возникло это громкое дело, Анатолий Франс стал активным политическим деятелем. Он председательствует на банкетах, митингах и избирательных собраниях, участвует в народных университетах, в «рабочих вечерах», и коммунистических типографиях. Всем мечтам прошлого он противопоставляет идеалы разума, науки, человеческой солидарности.

«Лишь потому, что открытия великих законов физики были медленны и сильно запоздали — говорит он в одной из своих речей — стала возможна варварская мораль, основанная на ложной интерпретации явлений природы. Если бы ученые определили раньше состав земного шара, стало бы невозможным запугивать людей сказками о подземном аде. Изучение природы сообщает нам огромное количество моральных указаний, придающих спокойствие и уверенность нашей мысли. Путем познания и мышления человечество придет в будущем к социальной справедливости и всеобщему миру».

Этот облик Анатоля Франса сказался с особенной силой в последние годы. Его уклон в сторону коммунизма определил его сочувствие к Советской России и вызвал в эпоху изъятия церковных ценностей интересный символический расказ его о том, как в одной из церквей статуя Христа покинула свое золотое распятие и перешла на деревянное.

В творчестве Анатоля Франса замечательно оказалось редкое сочетание высокой и утонченной культурности с повышенной чувствительностью к самым передовым социальным устремлениям современности. Этими выразительными чертами определяется его прекрасный писательский облик.

Л. Гроссман.

Последний портрет Анатоля Франса, сделанный в день празднования его восьмидесятилетнего юбилея.

решительно вступил в борьбу, разгоревшуюся вокруг этого постыдного «дела» и с особым рвением повел атаку против клерикальных кругов, главных вдохновителей «дрейфусиады». Многих поразило это обращение скептического диллетанта к активной политической борьбе, этот уход от спокойных изучений истории и искусства к тяжелым условиям острых столкновений всевозможных партий и групп. Еще удивительнее было слышать от этого бесстрастного мудреца требование непримиримой ненависти и нетерпимой вражды. Как истый политический борец, Анатолий Франс

Забавы Ивана Грозного

Очерк проф. Н. Степановича. Снимки Ж. Мартюва и А. Тулеса.

«Хлеба и зрелищ»

«Хлеба и зрелищ» — уличный вопль разгнанный Рима. Голодное брюхо и око требовали всегда своего удовлетворения. И тираны, самые даже «забуренные головушки», спешили навстречу толпе. Так было всегда и везде. Бой на кулачки — древний, как само человечество, римский гладиатор, испанский бык, русский медведь, джигит — все это лишь вариации на вечную тему — после «хлеба — зрелищ».

Петухи — бойцы

Бой петушьиные и гусиные — чрезвычайно популярная и общедоступная в старину русская забава. Грозный, еще «на заре гуманной юности», пока спал в нем кровавый зверь, также любил эту потеху. Обиходной практикой был даже выработан своего рода кодекс, определявший характер и воспитание пернатых бойцов.

Прославленным любителем этого рода спорта был екатерининский «орел» — граф Орлов-Чесменский. Сам отличный кулачный боец (вышиб глаз Потемкину), Орлов, «верхним чутьем» следуя теории Дарвина, воспроизвел целую новую породу бойцовых петухов и гусей.

Медведи

Медведи при Грозном, да и позже, были необходимым предметом общественной утехы, как дурачки — домашней.

Медведь вообще глуп, апатичен, ленив. Но этот увальень всегда был симпатичен русскому народу, даже фамильярно прозававшему его «Мишкой». Медведь растет не менее 6 лет и живет 40—50. Он также способен карабкаться на деревья, плавать, нырять и быстро бегать. Для человека медведь опасен лишь в состоянии раздражения и крайнего голода. Сила медведя громадна — врага он душит в своих объятиях. Охота на медведя весьма опасна, требует большой выдержки и смелости.

Медведь смертельно боится огня. В неволе зол. Окончательно исчез из Англии, почти исчез во Франции и Германии. Но в России он водится под самой Москвой. Пишущий эти строки имел случай в 1913 г. лично наблюдать медведя в подмосковном лесу.

Медведи — актеры

Грозный особенно любил медведей. Последние отыскивались на государеву потеху по всем областям и лучшие отбирались, разумеется силой, по царскому указу. Впрочем, таков был вообще уклад жизни Москвы, и не Грозным одним созданный. Как помещик-вотчинник, царь считал личной собственностью всякий надобный ему предмет и труд. Так было собрано все самое замысловатое и самое искусное в этом роде. В Москве для медвежьей охоты при Грозном был устроен обширный царский двор. Кроме совсем диких, тут содержались также *гонимые* и *спускные* медведи. Но особым почетом пользовались медведи дворные или *ученые*. Медвежий балет давался обыкновенно в Кремле, на старом государевом дворе, близ палат патриарших, на старом Ваганькове, где ныне Румянцовский музей, и в селах — Коломенском, Талинском, Покровском, Рубцово. Во дворце медвежий спектакль давался во всякое время года, но чаще зимою. Раз к Грозному привели «медведя с хлебом да солью, в саадаке», т. е. вооруженного луком и стрелами. Поводырь объяснял медвежий действия, и служил как бы текстом к этому медвежьему балету. Здесь шуточный, иронический ум русского человека не ходил в карман за словом и беззастенчиво и остроумно выставлял всякие смешные стороны тогдашней жизни. Газета 1771 г., от 8 июня насчитала целых 22 трюка, какие проделывал медведь под замысловатые и смешные присказки поводыря. Любовь к медведю-актеру перешла и преемнику Грозного — «богомольному» Федору Ивановичу.

Московские «торреадоры»

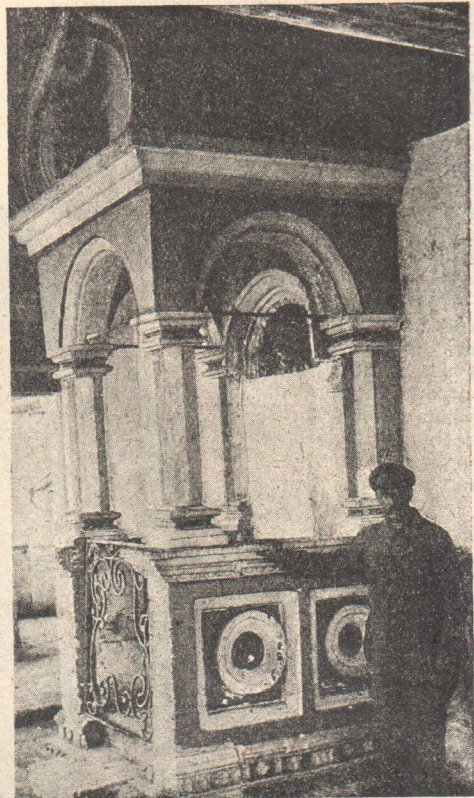
Медведи-актеры удовлетворяли, однако, больше уличную «божьих человечков» типа наследника Грозного.

Пресытившаяся видом крови, чувствительность «тирана» Ивана Васильевича нуждалась в ощущениях более острых.

Это достигалось зрелищем замороженных «торреадоров», имевшими дело не с рогами разъяренного быка, а с когтями и зубами страшного медведя да сильного и ловкого льва. При Грозном был даже «львиный двор» близ китайгородской стены, у присутственных мест. «Львиный двор» — это большое подземелье, называвшееся «яма» и соответствовавшее «рву львиному» биб-

ли. Позже оно служило [] долговою тюрьмою.

Иногда ловчий совместно со львом вступал в поединок с медведем. Одному такому

Трон, на котором Грозный наблюдал кулачные бои на Москва-реке. Рядом стоит смотритель Коломенского музея И. И. Михайлов.

смельчаку (Зерцалову) медведь «однорядку изорвал». А отважный конюх Карпов даже сам-друг выступал против целой группы диких медведей. Последние гонялись за ним и не только однорядку, но и «штаны изодрали»...

Чаще, впрочем, практиковалось единоборство. В круг, обнесенный стеною, впускался борец и калитка захлопывалась. Бежать «торреадору» было некуда. Медведь поднимался на задние лапы и шел на него с ревом и разинутой пастью. Борец должен был успеть всадить медведю рога в грудь между двумя лапами, оперев другой конец ее у ноги в землю. В случае промаха медведь «ел» неловкого: увеличил и раздирал зубами и когтями. Последнее, впрочем, бывало редко: чаще «торреадоры» расплывались собственной кожей. Вот почему вошло в правило — каждого бойца с медведем награждать натурой — мануфактурой на 2 рубля. Раз с медведем боролся слепой. За острое зрелище он был награжден мануфактурой на целых 8 руб. Помимо этого победителя обычно вели в питейный погреб, где он и напивался мертвецки на государев счет.

Опасная «медвежья потеха» вырабатывала специалистов-профессионалов. Инте этой профессии посвящали всю свою жизнь. Известны 30-летним «медвежьим» стажем братья Молчановы. 10-летний стаж был явлением почти заурядным.

Огромный риск борьбы привлекал авантюристов из всех классов общества. Тут видим и царских «ловчих», и князей (Гундулов), и детей боярских, не только москвичей, но и иностранцев. Не отставали и украинцы, под измененными фамилиями (Сытин, Григорьев). На борьбу поднимали медведей не красной тряпкой, как быков, а барабанным боем.

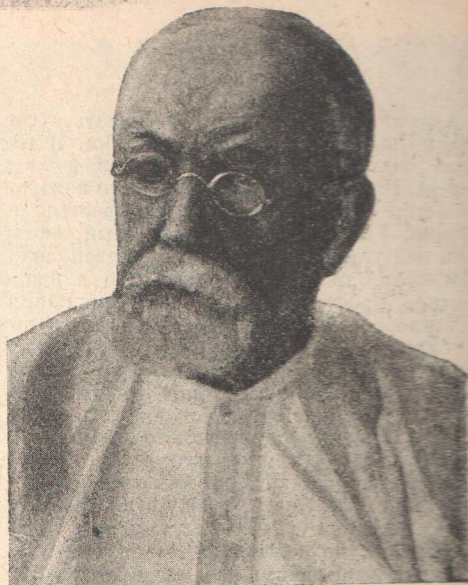
Место на Москва-реке, где происходили кулачные бои. Теперь здесь излюбленное место гуляний крестьян с Коломенского.

Очень любил Грозный своего рода гладиаторские игры—кулачные бои. Они доныне процветают в Англии и Америке под названием «бокса». Происхождение бокса теряется в героических рассказах древности. В Греции и Риме он был в большом почете. Любимую потехою всех классов он был и в России. С отдаленной древности

истово и жестоко: поле битвы бывало усеяно трупами. По силе действия на Грозного кровавые побоища в селе Коломенском едва ли уступали гладиаторским в Колизее.

Коломенский трон

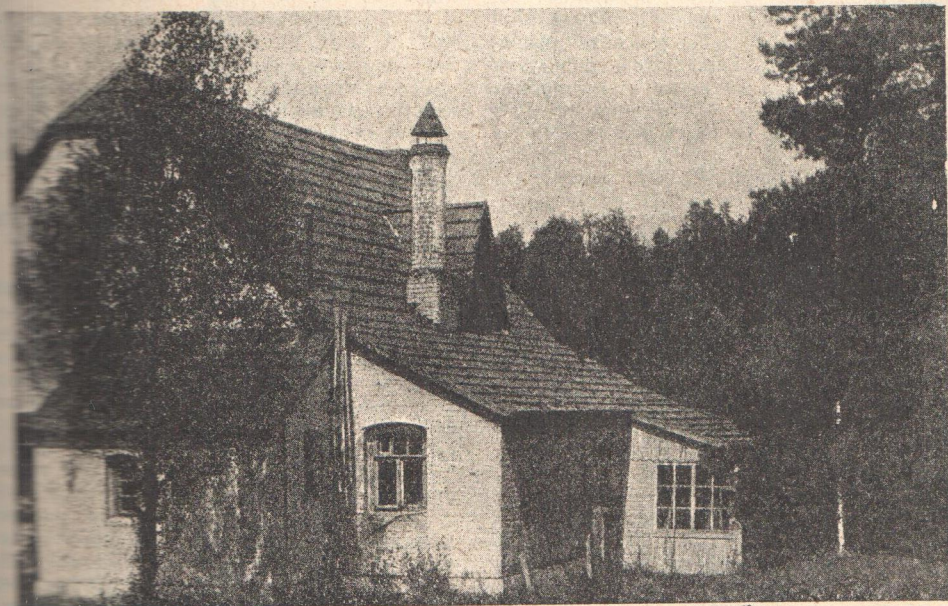
От своего русского происхождения Грозный отрекался, выдавая себя за немца. Манья величия психически-неуравновешенного царя заставляла его производить

В. Д. Поленов—снят 2-го июня 1924 г. по случаю восьмидесятилетия со дня его рождения.

Юбилей художника В. Д. Поленова

Фот. А. Никитина.

Мастерская В. Д. Поленова.

существовало три разновидности кулачных боёв: один на один и, редкая, сцеплялка-сцепка. В последней бились в толпе. Чаше бывали село на село, куток на куток. Но гладиаторский поединок для Грозного был любимейшею формою кулачного боя.

Общезвестен великий купца и бирочника, так талантливо выписавший музой Державина. Бродячее единичество происходило чаще зимой, на льду Москва-реки или воле китгородской степи в районе бывшего (павшего) Ив.Федорова.

В селе Коломенском Грозный наблюдал кровавые бои своего царского места, или на льду Москва-реки (зимой), или на берегу ее в пункте, изображенном на снимке. Тут, впрочем, побоища вопреки обществу происходили массовыми. Бойцы делились на два лагеря. По сигналу обе стороны с криком бросались одна на другую. Громил бубны и литавры. Бились в грудь, в лицо, в живот, — бились не-

генеалогию от самого Августа. Отсюда его бесконечная забота о тронах, как символах верховной власти. Идея трона, как почетного седалища, существовала с самой глубокой древности. Но у Грозного она приобрела явно маниакальный оттенок.

Роскошный трон Ивана Грозного в селе Коломенском устроен на террасе, в обсервационной башне Василия III (Вознесенская церковь). Сооружен из камней в виде балдахина на каменной сплошной балюстраде.

Трон прислонен к восточной стене церкви—башни, отвернувшись от нелюбимой Грозным Москвы, и с видом на темные лесные дебри, да на пустынные берега Москва-реки, оживлявшиеся время от времени кулачными боями на потеху грозного тирана.

И. Стеллецкий.

ТЕАТР В ДЕРЕВНЕ

От саратовского корреспондента «Огонька».

Спектакль в Народном доме села Б. Копены, Аткарского уезда, Саратовской губ., в 90 в. от уездного города.

ДВОЙНИК И МАВЗОЛЕЙ

Рассказ *Ем. Л. Миндлина*

(Окончание *).

Акакий Рак начинает скучать. Он вкусно выспался, наелся до-икотки. И теперь подходит к двери, ведущей в галерею. Ключ в замочной скважине поворачивается легко. Дверь открывается и Акакий Рак выходит в стеклянный, висящий над улицей тоннель. В противоположном конце галереи—темный ход в неизвестное пространство. С Акакием Раком случилось столько необычного—отчего же не случиться еще необычному?

Он уже представляет себе груды сокровищ, лежащих в глубине этой темноты или, по крайней мере, отличные запасы аина. И не раздумывая, Акакий Рак устремляется к темной пустоте.

И вот он у входа в мавзолей. Ногой чувствует лестницу, ведущую куда-то вниз. Акакий Рак бесстрашно готов спуститься по лестнице.

Он еще не настолько глуп, чтобы не понять: не проста же все это. И он делает движение. Но движение его неверно. Нога оскользнулась и рыжебородый летит вниз головой, ударяясь ногами о выступающие из темноты ступени.

Его всхлипывающий крик врывается через галерею во дворец. Лакей, готовый войти в кабинет, слышит этот необыкновенный крик. Он находит наиболее благоразумным броситься в людскую и закричать, что с баринном что-то случилось.

Лакеи входят в кабинет и не застают в ней своего барина. Тогда, с зажженными свечами в руках, овладеваемые страхом и любопытством, плотно друг подле друга, подходят они ко входу в мавзолей.

Когда затем, спускаясь по лестнице, люди достигают только половины ее, желтого света их свечей оказывается вполне достаточно, чтобы осветить рыжебородого лежащего внизу с подвинутой под спину рукой. Голова его пробита как раз на темени, ибо именно теменем он стукнулся о мраморный пол при своем падении.

— Он умер!—вскрикивает лакей.— Так вот почему он так много ел сегодня.

6. Сенсационные открытия в области Акакия Рака.

— У тебя никаких занятий?—спрашивают у Могана в участке.

— Никаких!

— Значит, ты сам сознаешься в бродяжничестве?

— Совсем не значит! Вам нет дела до моих занятий!

— Имя?

Вместо ответа Моган вытаскивает бумажку, взятую им у Акакия Рака.

Молодой человек за секретарским столом бережно разворачивает бумажку, затем набрасывается на гигантскую разтрепанную книгу и ищет в недрах ее страниц.

— Акакий Рак,—говорит он и поносит к начальнику книгу, раскрытую на странице номер сорок семь, где, оказывается, вписано уже имя этого глубчика. И вдруг они оба начинают трестись от смеха,—секретарь и его начальник.

— А,—воскликает начальник,—вот кто. Акакий Рак. А ведь мы то по тебе вот уж как соскучились.

Георг Моган—Акакий Рак узнает, что восемь месяцев тому назад он бежал из под стражи в день когда был приговорен к двум годам одиночного заключения за участие в грабеже.

7. Георг Моган в борьбе с неизвестным.

Два дня, которые провел рыжебородый в тюрьме, помогли ему понять, что мог бы стать новым человеком. Он мог бы избавиться от тоски, которая была понятна Акакию Раку, но преследовала Георга Могана. Но для этого надо бы принять знак Акакия Рака—бродяги грабителя—и плыть под этим знаком в безвестное. Надо было также еще терпеливо отсидеть в тюрьме три года, и к двум годам, назначенным за грабеж Акакию Раку прибавили еще один за бегство из под стражи. Но—безвестное? В мавзолей выстроен именно против безвестного. Оно запечатлелось в материал

* См. «Огонек» № 25.

Гастроли Еврейского Камерного театра в провинции

Фот. Ж. Мартова.

Сцены из «Трех изюминок». Наверху налево—сатира на мецанскую еврейскую мелодию—«Принц фон Фляско-Дриго». Направо—сатира на еврейскую халтурную оперетку «Сарра хочет петь». Внизу—сатира—«Ночь у Хасидского короля».

ных формах, предстало простым и понятным яком на пьедестале из желтого мрамора. И Молюбил думать, что свое будущее он определит себе сам. И теперь—знак Акакия Рака? Ницц Грабителя? Бродяги? Но в таком случае буду становиться безвестным!

И когда ему приносят еду, он униженно уговаривает сторожа принести чернил и бумаги. Он суза это головокружительные награды и уверяет, что владеет чрезвычайной тайной.

— Он или сумасшедший, или говорит правду, думает сторож и на всякий случай приносит необходимое для письма.

Моган идет. Он до конца придерживается свое кредо: ты бы раздумывал, чтобы по-настоящему сделать стало или, сверхъестественно, как по-литийской палеонтолог: он не знает Акакий Рак. Он не графиня и не леди. Он милитар Георг Моган и ему необходимо снова сестра самим собой.

И он поясняет, как это произошло.

А. Окончательная смерть господина Георга Могана.

Начальник участка едет с Моганом во дворец. Полисмен сопровождает его.

— Закон не требует, чтобы вы дурачили, — только говорит начальник, когда они садятся в автомобиль. — Вам придется худо, любезный, если окажется, что

он все-таки — Акакий Рак.

Автомобиль останавливается у дворца. Двери они находят открытыми. Моган

взбегает по лестнице вверх. Начальник и полисмен еле успевают за ним. Они не встречают никого по пути, ибо не станут

же слуги топтаться в комнатах, когда дворец еще не имеет нового барина, и неизвестно, кто им будет.

Моган проходит по рыхлым коврам к дверям кабинета.

— Что означает это безлюдие? Где Акакий Рак? Слуги?

И они входят в кабинет.

Яичница, заказанная ненасытным бродягой в день его смерти, стоит на письменном столе. Она позеленела и сохла. Опустошенные бутылки, как высокие оазисы, валяются на диване.

— Никого нет, — меланхолично произносит начальник.

Взгляд Могана направляется ко второй двери. Он встречает ее незапертой и видит, что мавзолей внутри освещен. Моган вскрикивает. Позабыв о полицейских, он бежит по галерее и буквально срывается с лестницы вниз.

— Стой-ой, — ревет начальник, твердо убежденный, что Акакий Рак перехитрил его, и бросается за рыжебородым.

Георг Моган уже в зале.

Он видит одно: гроб и в гробу рыжебородого. Он всматривается в лицо этого человека, укравшего у него его будущее. Колеблется не более минуты.

Затем, бледный, поворачивается к изумленному полицейскому и отчетливо произносит:

— Я ошибся. Человек, лежащий в гробу — Георг Моган. Я же, действительно — Акакий Рак. И вы можете отвести меня в тюрьму, господин полицейский.

Эмилий Миндлин.

Движение в Лондоне. В час дня на Флит-стрит.

Полет в кратер Этны

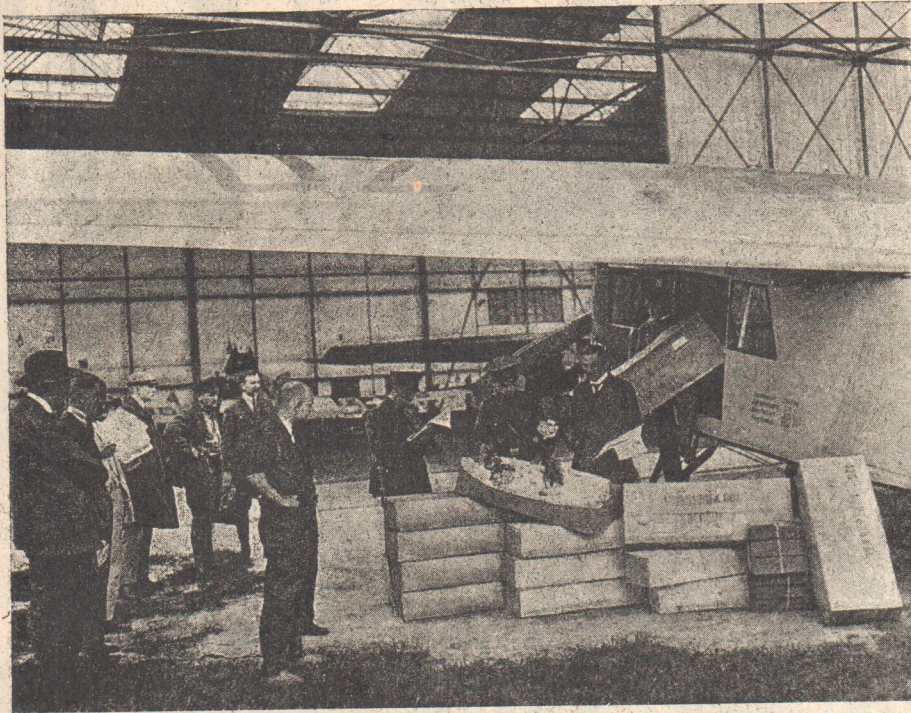
International-Newsreel.

Авиатор Романьоли недавно совершил беспрепятственный полет в... кратер Везувия, где, в течение семи минут, производил фотографические съемки. На снимке «Огонька» авиатор снят на вершине Этны, обширный кратер которой он изучает прежде, чем нырнуть в него на аэроплане.

Чтобы цветы не увяли

Фот. Дж. Грауленц.

Немецким аэро-Ллойдом организована доставка цветов на аэропланах. Из знаменитых голландских садоводств каждое утро отправляется «воздушная почта» в Берлин, Париж и Лондон. Свежие цветы по баснословно-дорогим ценам приобретаются для аристократических салонов и для буржуазии послевоенного посева, стремящейся во всем подражать аристократам. Получать цветы на аэропланах — значит — принадлежать к «высшему обществу». Мы воспроизводим выгрузку цветов из аэроплана на берлинском аэродроме.

Вместо юмора

Это — жена рабочего?!

Press-Photo-News-Service.

Собаки, которых пожалел Паункарэ

Фот. для «Огонька».

Недавно в Ля-Куртин (Франция) был устроен примерный взрыв десяти тонн мелинита для определения взрывчатой силы и установления законов движения взрываемых поверхностей. После взрыва ученые комиссии исследовали подерм и взрыхление почвы, а также пытались установить, как взрыв большой силы отражается на живых существах, какие органы поражаются при взрывах. Недалеко от места взрыва были помещены собаки, лишившиеся затем слуха и в некоторых случаях — зрения. По приказанию Паункарэ, при производстве повторного опытного взрыва, собаки были убраны.

Взрыв.

Собаки, подвергавшиеся испытанию взрывом.

Неожиданная и смешная гуманность «Паункарэ-войны», злого гения Франции, губителя миллионов человеческих жизней, — объясняется тем, что приказ о «собачьем помил овании» явился последним приказом подавшего, наконец, в отставку премьера. Так, сходя с политической сцены «Паункарэ-война», море человеческой крови и оккупацию Рура решил загладить спасением собак.

Сингапур. Заклинатель змей за своей «работой».

ВОЛЖСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕЧНОЕ ПАРОХОДСТВО

(Правление — Н.-Новгород, Кооперативная ул., д. 13).

Имея в своем распоряжении заново отремонтированными и готовыми к выходу из затонов 200 почтово-и товарно-пассажирских паротеплоходов мощностью 84.865 инд. сил и грузо-подъемностью 3.076.310 пуд, установили в навигацию 1924 г. по определенным расписаниям:

- 1) почтово-и товарно-пассажирское движение по реке Волге от Рыбинска до Н.-Новгорода и от Н.-Новгорода до Астрахани с ежедневными отправлениями паротеплоходов.
- 2) почтово-и товарно-пассажирское движение по реке Каме от Н.-Новгорода до Перми с ежедневными отправлениями;
- 3) почтово-и товарно-пассажирское по реке Оке по линии Н.-Новгород—Рязань—Москва с ежедневными отправлениями;
- 4) пассажирские линии по р.р. Костромке, Унже, Суре, Ветлуге, Уфе, Вяке и Белой.

В пунктах примыкания железных дорог к водному пути отправление и прибытие паротеплоходов согласованы с расписанием железных дорог.

В тех же районах Госпароходство принимает на себя перевозку различного рода грузов на непаровых судах, а равно буксировку судов и пароходов, для чего имеет готовыми к выходу из затонов 514 буксирных паротеплохода мощностью 163.509 инд. сил и до 1190 разного рода непаровых судов (баржи, баркасы, гусяны и др.), общей грузо-подъемностью 113.526.000 пуд.

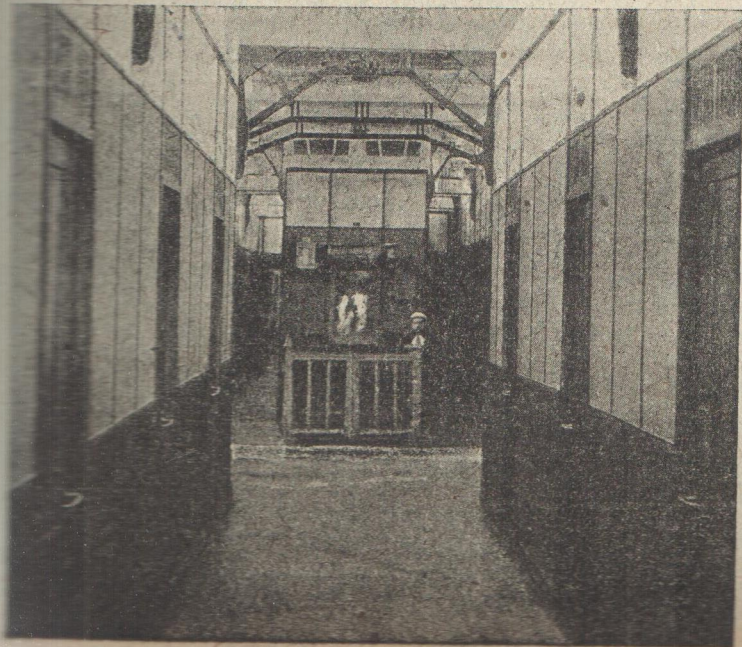
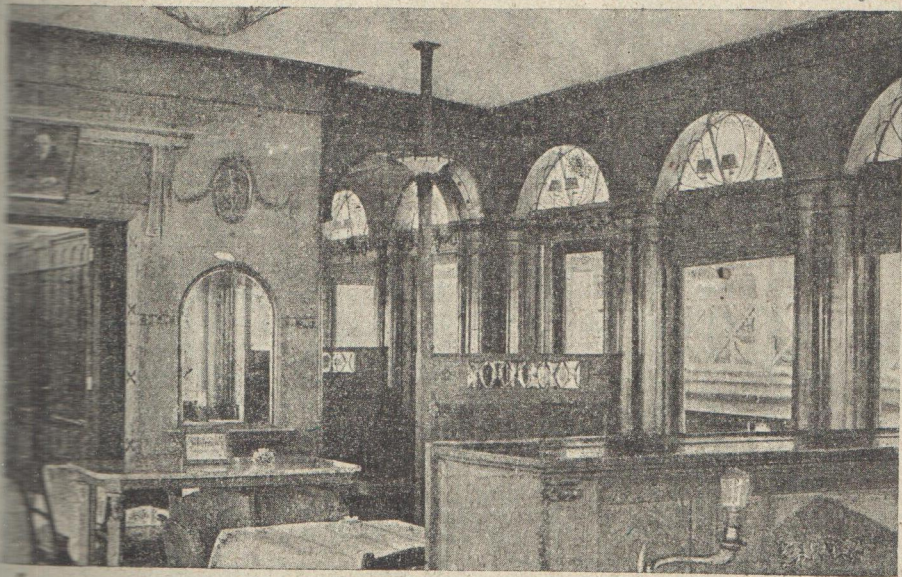
По транспортированию грузов Госпароходство участвует в прямом смешанном железнодорожно-водном сообщении и принимает грузы до всех станций жел. дорог СССР и портов Каспийского моря.

Кроме указанных выше операций, Госпароходство производит:

1. Хранение грузов на собственных складах.
2. Страхование грузов в пути следования и на складах.
3. Переотpravку грузов по жел. дорогам.
4. Прием грузов от жел. дорог для дальнейшего направления их водой.
5. Прием товаров на комиссию.
6. Исполнение всякого рода поручений грузоотправителей по переотpravке грузов и пр.

В целях быстрого и правильного выполнения перевозок и удобства сношения пассажиров и грузоотправителей по вопросам транспортирования грузов и пр. организованы Транзитные Управления в Н.-Новгороде **Товарно-пассажирского флота, Буксирно-сухогрузного флота и Нефтеналивного флота. Транспортные конторы:** в Москве, Ленинграде, Уральске, Оренбурге и Екатеринбурге; кроме того на всех приречьях и в городах, расположенных по р.р. Волге, Оке, Каме и их притокам, имеются агентства и пристани Госпароходства.

Транспортные конторы производят, кроме указанных выше операций по перевозке, хранению и страхованию грузов, по исполнению различного рода комиссионных поручений, еще и выдачу суд под товар, а равно и продажу пассажирских билетов на все пристани р.р. Волги, Оки, Камы и их притоков. В Московской Транспортной конторе, помещающейся в д. № 16 по Мясницкой улице, производится продажа билетов на все пассажирские линии Госпароходства.

1.
Пароход «ПАМЯТЬ тов. МАРКИНА» на линии Нижний — Астрахань.

2.
Салон на пароходе «ПАМЯТЬ тов. МАРКИНА».

3.
Коридор на пароходе «ПАМЯТЬ тов. МАРКИНА».